

0723957-1

На правах рукописи

ПРОНИН

Александр Алексеевич

**РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург
2001

Работа выполнена на кафедре отечественной истории и культуры
Уральской государственной юридической академии

Научный руководитель

доктор исторических наук
профессор М. И. Кондрашева

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
профессор М. Е. Главацкий

кандидат исторических наук
доцент В. И. Цепилова

Ведущая организация

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Защита состоится «6» ноября 2001 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 004.011.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора исторических наук в Институте истории и
археологии Уральского отделения Российской академии наук по адресу:
620026 г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, д 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории и
археологии УрО РАН.

Автореферат разослан «6» октября 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000136733

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Е. Т. Артемов

Актуальность исследования. Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 г. Первым Съездом народных депутатов республики, положила начало восстановлению российской государственности на базе ценнейших приобретений человечества: прав и свобод личности, демократии, правового государства, плюрализма, рыночной экономики и социального партнерства. Принятие декларации означало демонтаж глухой стены, отделявшей российскую диаспору от страны исхода. В оглашенном 25 декабря 1990 г. в пресс-центре IV Съезда народных депутатов СССР обращении Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина к соотечественникам за рубежом прозвучал призыв к воссоединению россиян с целью возрождения Отечества, «возрождения всего лучшего, что было утрачено после Октября 1917 года, ... возрождения того, что делало Россию Россией»¹. В обращении декларировалась открытость российского руководства к контактам с зарубежными соотечественниками, что выразилось позднее, в частности, в учреждении при Верховном Совете России специального Комитета по связям с российским зарубежьем. Формулировалась задача восстановить разоренное идеологической борьбой российское духовное наследие, вернуть в Россию сокровища отечественной философии и науки, литературы и музыки, театра и кино, живописи и балета, восстановить религию и Церковь. Реализация задуманного была возведена в ранг государственной политики.

Если до 1991 г. процесс возвращения духовных ценностей российской эмиграции носил во многом случайный, стихийный характер, в основе которого лежали коммерческие цели, теперь он обрел покровительство Российского государства, стремившегося использовать интеллектуальный потенциал эмигрантов на благо своего возрождения. Но только усилиями ученых возможно было придать этому процессу аналитическое направление, дающее важные для жизни общества результаты.

Непредвзятое изучение российского зарубежья стало одной из актуальных задач современной науки, что следует рассматривать в контексте преодоления культурного кризиса, переживаемого нашим обществом. Объем и характер исследований, осуществленных в последние 10 лет, позволяют говорить о появлении эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике. Настало время отметить его основные тенденции, подвести итоги изучения отдельных проблем, наметить перспективы дальнейших исследований. Комплексный историографический анализ, посвященный освещению отечественными и эмигрантско-зарубежными исследователями и публикаторами вопросов истории российской эмиграции и российского зарубежья, до сих пор не предпринимался.

Состояние научной разрабатки темы. Распад союзного советского государства поставил новые задачи изучения истории российского зарубежья. На ряде конференций и «круглых столов» высказывалось мнение, что исследование

¹ Родина. 1990. № 10.

истории российской эмиграции в старом зарубежье поможет уяснить механизм конфликтных ситуаций и будет способствовать их урегулированию в новом зарубежье, где остались жить около 25 млн. русских, что изучение проблем адаптации эмигрантов к новым условиям жизни поможет прогнозированию поведения современных многочисленных мигрантов в России и за ее пределами. Настойчиво подчеркивалась необходимость координации исследований.

За десять лет значительно расширилась география изучения российского зарубежья. В Институте российской истории РАН, в Институте всеобщей истории РАН, Институте славяноведения и балканистики РАН, ИНИОН РАН, Академии педагогических наук, Академии естественных наук, Росархиве, Российском фонде культуры, вузах Москвы и регионов действуют группы и центры, занимающиеся этой проблематикой. Отдельного упоминания заслуживает деятельность Сектора истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии Министерства культуры РФ и публикации его руководителя А. В. Квакина. Результативно работает группа энтузиастов под руководством Л. А. Мнухина (проект «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920 — 1940. Франция»). В изучение российской интеллигенции в эмиграции некоторый вклад вносит деятельность Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее роль и место в истории Отечества» (г. Иваново) и Центра «XX век в судьбах интеллигенции» (г. Екатеринбург). Однако координация в деятельности различных ведомств, учреждений, отдельных ученых отсутствует. Логично констатировать, что это объективная реальность сегодняшнего дня, вызванная децентрализацией российской науки, появлением новых независимых научных центров.

Ведущую роль в изучении российского зарубежья играют исследователи из Москвы. За 10 последних лет по теме здесь были защищены 134 кандидатских и 18 докторских диссертаций. Значительно меньше — 28 кандидатских и 3 докторских диссертации — были защищены в Санкт-Петербурге. 8 кандидатских и 1 докторская были защищены в Екатеринбурге. 7 кандидатских диссертаций по теме эмиграции защищены в Томске. За небольшим исключением, подготовка диссертаций на соискание ученой степени доктора наук ведется только московскими учеными, что можно объяснить недоступностью для региональных исследователей необходимого фактического материала.

Рассмотрение ряда аспектов эмиграционной тематики: экономического, искусствоведческого, психологического, — оказывается по силам также только исследователям Москвы и/или Санкт-Петербурга. В региональных исследованиях доминируют историческая, филологическая и философская тематика: в 31 городе России, где защищались диссертации по теме эмиграции, в 17 соискатели добивались ученой степени в области исторических наук, в 16 — в области филологии и в 10 — философий. Высокую (по отношению к другим областям науки) вовлеченность ученых провинции в изучение российской эмиграции именно в историческом срезе логично было бы объяснить разработкой специфически местного материала: региональных миграционных потоков. Однако, за редким исключением, эта связь не прослеживается.

Важную роль в изучении российского зарубежья играют встречи ученых: конференции, научные семинары, симпозиумы. В их ходе выраба-

им. Н. И. Лобачевского
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

тывается основа, необходимая для дальнейших исследований — понятийный аппарат, методологические подходы, анализируются состояние и перспективы изучения исторического опыта эмигрантов, обсуждается круг источников. Российская эмиграция рассматривается не только как вынужденное или добровольное переселение из одной страны в другую или как совокупность проживающих в той или иной стране эмигрантов, но как многоплановый социокультурный феномен, как явление, имеющее многовековую историю.

Антропоцентризм, ставший следствием серьезной трансформации науки последних двух десятилетий, предопределил особенности молодого российского эмигрантоведения, поставившего своей главной целью изучение жизни и творчества отдельных лиц. Этот тезис подтверждает анализ названий авторефератов диссертаций, защищенных в Российской Федерации в 1990 — 1999 гг. Всего за эти годы по теме эмиграции было защищено 248 диссертаций. Из них 169 (68%) посвящены жизни и творчеству конкретных лиц.

«Первая волна» эмиграции остается на сегодня самой изученной: ей посвящены все диссертации по теме российской эмиграции, защищенные в области искусствоведения и педагогики, 74 из 75 (98,6%) в области филологии, 76 из 81 (93,8%) в области философии, 49 из 58 диссертаций (84,4%) в области истории, 3 из 4 диссертаций (75%) в юриспруденции, 3 из 10 диссертаций (30%) в области экономики. Из всего массива диссертаций лишь 4 посвящены истории дореволюционного рассеяния (все защищены в рамках исторических наук), из них в двух рассматривается деятельность русских духовных миссий за рубежом. (Всего же истории русского православия за границы на сегодняшний день посвящены 4 диссертационных исследования). В двух диссертациях поднимаются вопросы эмиграции советских граждан в годы второй мировой войны. Значительно большее число диссертаций посвящено современным миграционным процессам (трудовой, научной эмиграции, миграции русского населения из государств нового зарубежья в Россию), причем рассматриваются они преимущественно в области экономических наук, однако не остались в стороне от их осмысления также философы, историки и юристы. Столь высокое внимание к актуальным проблемам внешней миграции граждан России объяснимо: отток за рубеж специалистов неслучайно отнесен к числу факторов, представляющих угрозу национальной безопасности РФ. По официальным данным, около 30 тыс. российских ученых работают сегодня за границей¹, и утрата их для России имеет свою денежную оценку².

Осуществляемые в России экономические преобразования породили интерес к истории российского предпринимательства в эмиграции, однако изучение этого опыта ведется только на материалах «первой волны».

Помимо творчества представителей философской, научной, литературной эмиграции другим наиболее разработанным авторами диссертаций пластом является история политической эмиграции: деятельность составлявших ее партий,

¹ Рос. газ. 2000. 18 авг.

² За период 1993 — 1999 гг. эмиграция ученых из России и стран СНГ оценивалась экспертами Совета Европы в 200 млрд. долларов (Рос. газ. 1999. 25 июня).

движений и их лидеров, идейные искания и борьба. Девять диссертаций (7 — в области философии и 2 — истории) посвящены различным аспектам пореволюционного эмигрантского течения евразийства, его истокам и современности, в то время как другому любопытному учению — «сменовеховству» — посвящена лишь одна диссертация.

Никакая эмиграция не сделала так много для культуры, искусства, науки, как российская. И никакая другая не оставалась столь бессистемно и слабо изученной, как она. Десять лет свободной от прежних цензурных ограничений работы в этой области на родине дали несколько качественных перепечаток¹. Научное исследование различных проблем истории российского зарубежья в нашей стране сделало заметные шаги вперед. Одним из первых академических изданий по эмиграции стали два тома серии «Русское литературное зарубежье» (М., 1991 — 1992), подготовленные ИНИОН РАН и содержавшие обзоры зарубежных литературно-критических материалов и публикации текстов крупнейших писателей. В 1993 — 1994 гг. ИНИОН РАН был издан справочник «Писатели Русского Зарубежья (1918 — 1940)», в 2-х частях, послуживший прологом к изданию «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья. 1918 — 1940. Писатели» (М.: РОССПЭН, 1997). Этот свод включает в себя 260 персоналий, из них 85 напечатаны впервые, остальные публиковались в предварительных выпусках ИНИОНа, многие статьи исправлены и дополнены.

В изучении художественной эмиграции в России в 1990-е гг. к числу событий может быть отнесен выпуск биографического словаря «Художники русской эмиграции (1917 — 1941)». Книга содержит более 400 очерков о российских художниках, работавших за рубежом в период между двумя мировыми войнами.

Изучение российской военной эмиграции в отечественной историографии только начинается. В Советском Союзе и России лишь несколько авторов серьезно обращались к этой теме. К ним можно отнести Л. К. Шкаренкова и коллектив авторов Российского государственного гуманитарного университета, исторического факультета МГУ и Института российской истории РАН (руководитель Е. И. Пивовар). Работа Л. К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», трижды изданная московским издательством «Мысль», наиболее полно представляет путь российской военной эмиграции, пройденный с момента Октябрьской революции и до конца второй мировой войны, однако исполнена негативного подхода к ней. Учебное пособие «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения)» (М., 1994), подготовленное авторским коллективом под руководством Е. И. Пивовара, отличается насыщенность статистическими данными и широкое использование материалов ГАРФ.

В 1998 г. Институтом военной истории Министерства обороны РФ, Федеральной службой безопасности РФ и Службой внешней разведки РФ был подготовлен к печати первый том (в 2-х книгах) 10-томного труда «Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы». Всего в основной текст 1-

¹ Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 — 1939. М., 1994; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М., 1996; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996; и др.

го тома, озаглавленного «Так начиналось изгнание» (Кн. 1. Исход; Кн. 2. На чужбине) вошло 306 документов. В основном это документы оперативно-распорядительные и отчетно-информационные: приказы, распоряжения, аналитические записки, справки, донесения. Они отражают предысторию поражения белых армий на северо-западе, западе и юге России, исход российских военных эмигрантов за границу, деятельность антибольшевистских эмигрантских организаций, противоборство спецслужб Советской России с соответствующими органами эмиграции, процесс возвращения части эмигрантов на родину. Характер составивших том документов объясним задачами органов, продуктами деятельности которых они являлись. Так, Центральный архив Службы внешней разведки РФ, документы из фондов которого использованы при подготовке книги, подобрал в себя материалы созданного в 1920 г. Иностранного отдела ВЧК при НКВД РСФСР, одной из главных задач которого было противодействие белоэмигрантским военным центрам. Очевидно, что публикуемые в том документальные источники могут послужить добротной основой последующих научных исследований.

Говоря о крупных справочных и документальных изданиях, подготовленных современными российскими историографами эмиграции, нельзя не назвать книгу, вошедшую в число бестселлеров 1997 г. и вызвавшую большое число отзывов в печати. Это энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века» (под общ. ред. В. В. Шелохаева, М.: РОССПЭН, 1997). Идея проекта родилась еще во второй половине 1950-х гг. у русских деятелей культуры в Париже. Для его реализации был образован комитет под председательством кн. Н. С. Трубецкого (позже комитет возглавил гр. С. М. Толстой). «Золотая книга» задумывалась не только как справочное издание, но и как «Книга памяти» («никто не забыт»). Однако проекту, вследствие «непредвиденных затруднений», так и не суждено было состояться. Неудача с изданием «Золотой книги» отчасти была компенсирована выходом капитальной работы П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970)» (Париж, 1971; доп. выпуск — 1973), и поныне остающейся одной из лучших книг по истории российской эмиграции.

Создать «Золотую книгу» удалось лишь в конце 1990-х. Словарь включает 417 имен. Среди вошедших в книгу — писатели, люди искусства, политики, философы, историки, языковеды, правоведы, богословы и генералы — материалы о них и без «Золотой книги» разработаны лучше всего. Но здесь же и имена менее известные: предприниматели, изобретатели, инженеры, летчики, врачи, физиологи, энтомологи, физики, химики, геологи, астрономы, экономисты и авиаконструкторы.

Этот словарь, представляя в биографиях разные сферы жизни эмиграции, как бы подводит итог начального этапа в ее изучении. Этому же должно способствовать и данное исследование.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования является отечественная и частично зарубежная историография последнего десятилетия XX века, т. е. современная историография российской эмиграции. Понятие «российская эмиграция», используемое в названии диссертации, объединяет

всех оставивших страну подданных и граждан Российского государства в разные периоды его истории (Российская империя, Союз ССР, Российская Федерация), в то время как термин «российское зарубежье», также используемый автором, охватывает все группы выходцев из России.

Учитывая, что литература о российском зарубежье, созданная до 1990-х гг. самими эмигрантами, находилась в фондах российских библиотек в отделах специального хранения и была доступна весьма ограниченному кругу читателей и исследователей, и потому по сути впервые вводится в оборот, узнается нами только сейчас, становясь тем самым частью современного историографического процесса, она также была включена мною в исследование, равно как и переизданные и перепечатанные в последние годы в России книги и статьи эмигрантов соответствующей тематики, написанные до 1990-х гг.

Предмет исследования — определяющие тенденции, основные результаты осмысления отечественными и эмигрантско-зарубежными учеными, публицистами и мемуаристами проблем истории российского рассеяния, включая опубликованные ими работы, организационные формы исследований, воздействие государственной политики на науку, состояние источниковой базы, совершенствование методики исследований.

Цель и задачи диссертационного исследования.

Цель — проанализировать литературу, освещающую историю российской эмиграции, вышедшую в последнее десятилетие.

Для осуществления данной цели автор поставил перед собой следующие задачи:

- выявить характерные черты, особенности молодого российского эмигрантоведения, основные тенденции его развития;
- охарактеризовать современные политико-идеологические и организационно-научные факторы, оказывающие влияние на развитие историографического процесса;
- проанализировать литературу по наименее разработанным направлениям изучения российского рассеяния и тем самым привлечь к ним внимание исследователей;
- наметить перспективы дальнейших исследований.

Хронологические рамки. Хронологические рамки работы определяются временем публикации использованных источников, т. е. преимущественно последним десятилетием XX в.

Научная новизна и практическая значимость.

Научная новизна диссертации:

- это первый специальный труд, в котором предпринимается попытка осмысления опыта современной историографии по исследованию проблем истории российского рассеяния не только первой пореволюционной «волны», но и предшествующего и последующего периодов, выявляются ее особенности, степень разработанности, определяются направления дальнейших исследований;
- исследование проведено в русле методологического подхода, учитывающего все многообразие привлеченных автором источников;
- составлен библиографический указатель, содержащий около 820 на-

званий публикаций, посвященных всем «волнам» российской эмиграции и регионам рассеяния, и впервые объединивший литературу по самым разным вопросам.

Материалы исследования могут быть использованы при написании научных и учебных трудов по истории российской эмиграции и российского зарубежья, подготовке соответствующих разделов вузовских курсов по отечественной истории, культурологии и правам человека.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежат системный подход к изучению историографии российской эмиграции как совокупности научных трудов и публикаций, представляющих самые разные отрасли знания, и вытекающий из такого подхода принцип междисциплинарных связей, что в свою очередь является основой для использования контент-анализа и принципа историзма. Контент-анализ позволяет изучить разные источники об одном и том же, а принцип историзма позволяет рассмотреть объект исследования в его конкретно-исторических условиях, проследить этапы в изучении рассматриваемых в работе вопросов.

Источниковая база исследования. Исходя из авторской трактовки объекта исследования, всю совокупность используемых автором источников можно разделить на несколько групп.

1. Официальные источники: акты высших органов российской государственной власти, выступления высших должностных лиц Российского государства, документы Академии наук СССР/РАН. Некоторые из них следует охарактеризовать подробнее.

Необходимость изучения российской эмиграции подчеркивалась еще в распоряжении Президиума АН СССР от 16 октября 1987 г. № 0281, озаглавленном «Об изучении процессов, происходящих в среде зарубежных соотечественников»¹. В 1988 г. в Отделении литературы и языка АН СССР была создана группа по изучению наследия российской эмиграции. Актив ее составляли Н. И. Толстой, О. Н. Михайлов, Б. И. Козлов, А. Н. Николюкин, Л. К. Шкаренков, Ю. А. Поляков, С. В. Думин, А. В. Лупырев, Ю. В. Мухачев.

Мощный импульс усилиям академического сообщества был дан постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 г. «О проведении Конгресса соотечественников»². Авторы идеи Конгресса исходили из «необходимости перестройки и развития взаимоотношений с соотечественниками, живущими за рубежом» и учитывали «исключительное значение этого вопроса для духовного, культурного и социально-экономического возрождения Российской Федерации»³.

26 июня 1991 г. Президиум АН СССР издал распоряжение № 14400 – 432, в котором, в частности, говорилось: «Принять предложение Президента РСФСР Б. Н. Ельцина об участии Академии наук СССР в подготовке и проведении Конгресса соотечественников (19 — 31 августа 1991 г.), имея в виду

¹ См. Чельшев Е.П. Российская эмиграция: наследие, современные проблемы // Вестник РАН. 1998. Т. 68, № 11. С. 964.

² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 4. Ст. 56.

³ Там же.

его научно-консультативное обеспечение. В целях координации взаимодействия научных учреждений АН СССР с организационным комитетом Конгресса создать совместную комиссию»¹.

К обсуждению на Первом Конгрессе соотечественников (состоявшийся при мощной организационной поддержке госаппарата Конгресс конституировал себя как общественная организация) Отделением литературы и языка АН СССР был представлен проект комплексной общеакадемической программы фундаментальных исследований «Российское зарубежье в контексте мировой культуры», содержащей пять основных разделов: 1) литературный; 2) историко-философский (в том числе религиозный); 3) этнографический и социологический; 4) искусствоведческий; 5) история российской науки и техники за рубежом.

Обсуждение проекта программы было продолжено на Втором конгрессе соотечественников, состоявшемся 7 — 12 сентября 1992 г. в Санкт-Петербурге.

В конечном итоге программа «Российское зарубежье в контексте мировой культуры» была поглощена исследовательской программой «Культура России в мировом контексте», также разработанной Отделением литературы и языка РАН и включающей ряд взаимосвязанных самостоятельных проектов, завершение работы над которыми предусматривает публикацию фундаментальных научных трудов. Цель программы — сопоставить тенденции развития культуры в России и в других странах. Осуществляемые в рамках программы исследования носят комплексный, сравнительный характер. Программа является междисциплинарной. К работе привлечены историки, политологи, этнографы, филологи, искусствоведы, культурологи, философы, религиоведы. К сожалению, программа предусматривает изучение культурного наследия российской эмиграции только «первой волны».

В помощь исследователям 16 декабря 1992 г. Комитетом по делам архивов при правительстве Российской Федерации была утверждена межотраслевая государственная программа «Зарубежная архивная Россия», направленная на выявление и возвращение в Россию документов из архивов представителей всех «волн» российской эмиграции.

Названные источники, в дальнейшем присутствующие в диссертации незримо, предопределили появление многих из анализируемых здесь исследований и позволяют рассмотреть российское эмигрантоведение как порожденное условиями исторического развития государства и общества.

Международные соглашения, анализируемые автором в первой главе исследования, позволяют дать оценку исторических факторов, обусловивших миграционные потоки.

Официальные публикации статистических данных являются незаменимым источником для характеристики важнейших параметров современной российской эмиграции.

2. Научные труды: справочные и документальные издания, монографии, статьи в научных журналах и сборниках, материалы конференций, авторефераты

¹ Цит. по: Чельшев Е.П. Указ. соч.

диссертаций. Эти источники позволяют показать разработанность той или иной темы ученым сообществом.

3. Документальные фото- и киноисследования.

В последние годы все чаще и чаще стали появляться книги и альбомы по истории российской эмиграции, в которых фотографический материал или составляет основное содержание, или является важным дополнением к тексту. Вот некоторые из них: «Крестный путь русской армии генерала Врангеля» (Рыбинск, 1996; более 200 фотографий); «Орлята России. Из истории кадетских корпусов» (М., 1998; несколько десятков фотографий относятся к эмигрантскому периоду); энциклопедии «Золотая книга русской эмиграции» (около 230 фотопортретов) и «Писатели русского зарубежья» (120 фотопортретов). Особо следует отметить труд А. Васильева «Красота в изгнании» (М.: Слово, 1998), посвященный искусству и моде российской эмиграции «первой волны» и насчитывающий более 800 фотографий, подавляющее большинство которых является уникальным архивным материалом. Однако при всей ценности перечисленных изданий следует признать, что их иллюстративная часть раскрывает лишь одну-две стороны жизни и деятельности эмигрантов.

Поэтому бесспорным событием стал вышедший в 1999 г. в издательстве «ИМКА-пресс» (Париж) альбом «Русская эмиграция в фотографиях. Франция. 1917 — 1947» (сост. А. Корляков). Это по существу первая попытка составить зримую летопись жизни российской эмиграции. 240 фотографий, выстроенные в хронологически-тематическом порядке, охватывают практически все области культурной и общественной жизни русских во Франции в период между двумя мировыми войнами.

О большом интересе к теме российской эмиграции свидетельствует появление не только документальных фото-, но и киноисследований. В числе последних — двухсерийный фильм «Не будем проклинать изгнание» (сценарий М. Демурова, В. Костикова и В. Эпштейна, постановщики М. Демуров и В. Эпштейн)¹.

Эта специфическая группа источников также нашла свое отражение в выводах настоящей работы.

4. Материалы отечественной и эмигрантской периодической печати, хранящиеся в фондах отдела литературы русского зарубежья (бывшего спецхрана) Российской государственной библиотеки г. Москвы и Уральской независимой общественной библиотеки г. Екатеринбурга. Среди них — литературно-политические тетради «Возрождение» (Париж), литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты» (Мюнхен), «Новый журнал» (Нью-Йорк). Особое место в исследовании отведено публикациям старейшей парижской еженедельной газеты «Русская мысль», с 1990-х гг. распространяемой и в России и широко освещающей вопросы истории российской эмиграции разных «волн», а также выпускавшемуся с осени 1996 г. по август 1998 г. международным издательством «Двое» дайджесту «Иммигранты» (Санкт-Петербург), публиковавшему материалы современной российской и зарубежной прессы, в том числе эмиг-

¹ Показ фильма состоялся по телеканалу «Россия» 7 — 8 ноября 1997 г.

рантской («Новое русское слово», «Еврейский мир», «Русский Ванкувер» и др.), русскоязычной печати стран СНГ и Балтии, а также собственные оригинальные материалы.

Активное использование публицистики обусловлено тем, что она, на взгляд автора, часто опережает научный поиск, и основной прирост знания истории российской эмиграции, особенно «второй» и последующих «волн», осуществляется именно благодаря ей.

5. Опубликованные отдельными изданиями и в периодике материалы личного происхождения — письма рядовых эмигрантов и фигур общественно-значимых (Г. Адамовича, М. Алданова, А. Амфитеатрова, И. Бунина, Б. Николаевского, Б. Савенкова, М. Чехова), автобиографические статьи, мемуары деятелей российского зарубежья (Н. Зернова, Б. Лосского, А. Московича, Г. Мясникова, И. Одоевцевой, М. Осоргина, П. Палия, В. Решиковой, Д. Сеземана, Т. Фесенко, Б. Харитона, З. Шаховской) и воспоминания знавших их лиц (Ю. Коваленко, Г. Кочевницкого, Б. Носика, А. Седых, Н. Спасского). Очевидная ценность данных источников в том, что они позволяют насытить историю российского зарубежья «человеческим» содержанием.

Таким образом, источниковую базу исследования составили разнообразные материалы, комплексное изучение которых позволяет в полной мере раскрыть тему.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры отечественной истории и культуры Уральской государственной юридической академии. Диссертационные материалы отражены в 21 научной публикации автора общим объемом 34,3 п. л. По теме исследования были сделаны доклады и сообщения на международной, всероссийской, республиканской конференциях, всероссийских научных чтениях и семинарах, а также в летнем методологическом университете.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, семи глав, заключения, двух приложений.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» формулируется актуальность темы исследования, показывается состояние ее научной разработки, определяются хронологические рамки, объект, предмет, цель, задачи, методология работы; обосновывается научная новизна; систематизируется источниковая база диссертации.

Первая глава — «Эмигрантские истории и публицисты о путях и судьбах «второй» эмиграции» — посвящена анализу литературы о гражданах, оставивших СССР в годы второй мировой войны. Преимущественно эта литература — эмигрантская, т. к. до самых последних лет эта тема была крайне непопулярна среди российских историков. Не в малой степени это вызвано тем, что и на уровне официальной идеологии, и на уровне подсознания отдельной личности вся «вторая» эмиграция связывалась с враждебными силами: сначала с гитлеровской Германией, затем — с «западными империалистами». Как следствие, о «второй волне» эмиграции мы знаем мало.

Большинство исследователей российского зарубежья выбирают объектом изучения первый послереволюционный поток эмигрантов как наиболее яркий, вобравший в себя цвет нации, и ограничивают свои работы рамками 1917 — 1939 гг. (Они же обозначены в исследовательской программе РАН). Однако изучение других «волн», например «второй», может оказаться не менее интересным.

Бытует мнение, что «вторая» эмиграция не оставила следа в истории культуры российского зарубежья. Однако обширная издательская деятельность «второй волны»: газета-журнал-издательство «Посев», журнал «Грани», альманах «Мосты», газеты «Русские новости», «Русская мысль», журнал «Возрождение», «Новый журнал», издательства «ИМКА-пресс» и имени Чехова, — краткий перечень ее представителей: историк и политолог А. Авторханов, поэтесса О. Анстей, поэт и прозаик Р. Березов, художник С. Голлербах, поэт И. Елагин, критик В. Завалишин, историк русской общественной мысли, публицист, литературный критик Иванов-Разумник (Иванов Р. В.), поэт, филолог Ю. Иваск, писатели Г. Климов и Н. Нароков, литературовед и писатель Л. Ржевский, литераторы Н. Ульянов и Б. Филиппов, литератор, редактор Г. Хомяков, писатель, журналист В. Юрасов, — убеждают в обратном.

Слово «вторая» (эмиграция) в заголовке главы не случайно заключено в кавычки. С одной стороны, это дань укрепляющемуся среди эмигрантоведов мнению о необходимости отказаться от традиционной нумерации «волн», привязанной к Октябрьской революции 1917 г., словно бы и не было тысячелетней истории России. История с 1917 по 1991 год была для советских историков (что, впрочем, верно с правовой точки зрения) историей другого государства — государства под названием СССР на территории России. С другой стороны, эмиграция советских в годы второй мировой войны, хотя и была вторым великим переселением после Октября, но отнюдь не вторым в российской истории. В исторической ретроспективе ее порядковый номер больше, несмотря на то, что до 1917 г. потоки эмигрантов были не столь масштабны, а собственно русская эмиграция ведет свой отсчет лишь с конца XIX в. Одновременно она была и первой эмиграцией. Первой советской. К какой бы этнии не принадлежали находившиеся в составе эмиграции 1920-х гг., все они выехали как российские подданные. В отличие от них, бежавшие от советской власти, взятые в ходе второй мировой войны в плен или угнанные на работы в Рейх были уже советскими гражданами.

В главе анализируется литература о составе второй послеоктябрьской «волны» и ее численности, юридической основе репатриации советских граждан (ялтинских соглашениях и т. д.), ее ходе (книги Н. Бетелла, Н. Толстого, П. Поляна и др.), причинах «невозвращения» и судьбах оставшихся на Западе лиц, их вкладе в продолжение духовной жизни российского зарубежья.

Автором отмечается, что по-прежнему остается открытым вопрос о соответствии принципам и нормам международного гуманитарного права выдач советскому правительству западными союзниками советских граждан, оказавшихся в ходе второй мировой войны в юрисдикции американских и британских властей.

Автор делает вывод о том, что умножение знания по истории «второй» эмиграции в настоящий период происходит в основном за счет переиздания, перепечатки публикаций давних лет и либерализации доступа к ранее вышедшим. Выстраивание полной и целостной картины «вливания» эмигрантов «второй волны» в российскую зарубежную диаспору еще впереди. Необходимо исследовать

ее адаптацию к зарубежью, изучить реакцию на нее «свободного мира», взаимоотношения с эмигрантами «первой» и «третьей» «волн», вскрыть причины реэмиграции многих советских граждан из послевоенной Европы в страны Нового света (Австралию, Канаду, США), смещения туда же центров российского зарубежья. Представляется, что существенную роль в объективном освещении политической истории этой эмиграции должен сыграть Общественный исследовательский центр «Архив РОА». Необходимо остановиться на причинах угасания ее политической жизни. «Непаханную целину» представляет собой изучение культурной жизни первой советской эмиграции, сохранения и пополнения ею интеллектуального и духовного населения предыдущей «волны», процесса передачи культурной «эстафетной палочки» последующим эмигрантам. Верится, что «вторая» эмиграция — это богатейший пласт, способный принести немало сюрпризов равнодушному к ней исследователю.

Во второй главе — «Литература об эмиграции отдельных этнических групп» — анализируются монографии, статьи в энциклопедических и справочных изданиях, научных и общественно-политических журналах, сборниках научных трудов, мемуаров, эссе и материалов конференций, авторефераты диссертаций, газетные статьи российских, зарубежных и эмигрантских авторов о рассеянии народов бывшего СССР.

Этнические миграционные «волны» рассматриваются современными авторами как фактор социально-политической стабильности. Изучаются взаимодействия этномиграционных процессов и их последствия, эмиграционные настроения диаспоральных этносов. Как философская проблема изучается национальная идентификация российских переселенцев.

Наиболее представительна историография эмиграции русских евреев, немцев, казачества и татар. Поэтому данные блоки рассматриваются автором диссертации каждый в отдельности.

Первый раздел главы озаглавлен «Евреи». Автором отмечается, что изучение участия евреев в культуре самой России вошло в традицию. Специальной обобщающей литературы об их роли в становлении и развитии русской культуры за рубежом не существовало до 1992 г., когда в Иерусалиме был издан первый из сборников «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (вышло пять томов). В книгах публикуются статьи, воспоминания, письма, архивные документы, связанные с жизнью, творчеством и общественной деятельностью русских евреев, оказавшихся во Франции и Китае, США и Палестине (Израиле), Польше и Италии, Латвии и Чехословакии.

В 1998 г. было основано новое продолжающееся издание, заменившее собой предыдущее, — серия «Русское еврейство в Зарубежье», более широкая по тематике. В отличие от предыдущей серии русские евреи стали предметом изучения независимо от их роли в зарубежье: среди персонажей сборников — и вернувшиеся к традициям отцов и иудаизму, и ассимилировавшиеся в американской, французской или английской культуре. В связи с этим автором приводятся взгляды нескольких публикаторов (М. Пархомовского, С. Чертока) на будущность русского еврейства как этнокультурного явления (по их мнению, мы являемся свидетелями его конца).

Автор диссертации сопоставляет опубликованную в разных источниках информацию о периодизации эмиграции русских евреев начиная с погромов 1881 г. до наших дней, ее численности на разных этапах, обусловленности их границ.

Отмечается, что наиболее активно изучаемым периодом эмиграции русского еврейства является межвоенный. Культурологическая литература о 1939 — 1950-х гг. еще только складывается. В то же время велико число публикаций, преимущественно публицистических, газетных, обращенных к последней большой «волне» 1980 — 1990-х гг. Это материалы по проблемам культурной, экономической и политической адаптации русских евреев к условиям жизни в избранных для проживания странах (как правило, Израиле и США).

Таким образом, имеющаяся сегодня литература о русских евреях содержит сведения о хронологии эмиграционных потоков и их численности, географических центрах рассеяния, культурной, политической и экономической адаптации еврейских переселенцев, их вкладе в мировую культуру и науку. Среди национальных эмиграций с территории России в истории эмиграции еврейской, пожалуй, сегодня менее всего «белых пятен».

Следующий раздел второй главы диссертации озаглавлен «Казачество».

Круг связанных с казачеством вопросов привлек внимание публикаторов различного рода, прежде всего публицистов, из числа эмигрантов «первой волны» почти сразу же, как только казачество вошло в ее состав. Порожденная политическими причинами, эмиграция 1918 — 1939 гг. оказалась раздираемой этими факторами и в странах рассеяния. И в эмиграции казачество как военная сила оказалось включенным в политическую борьбу между большевиками и их противниками. Эти процессы и освещались в печати тех лет.

Современные историографы (Е. Б. Парфенова, О. В. Ратушняк, А. Л. Худобородов) касаются не только политических или военных аспектов, но и социальных, культурных проблем. Отечественные исследователи наконец приступили к изучению истории казачества в эмиграции не только как истории войск, но и как истории особой этносословной группы, имевшей специфическое самосознание, культурные особенности, особый уклад жизни и быта. Однако, в отличие от зарубежных авторов (Н. Бетелла, Н. Толстого) судьбы казачества пока отслеживаются ими только в межвоенный период.

Третий раздел главы озаглавлен «Русские немцы».

Историография эмиграции из России русских (советских) немцев разработана неплохо. Решен вопрос о дефинициях, прежде всего понятий «русский немец». Освещены вопросы численности эмиграционных потоков на каждом из их этапов, вскрыты вызывавшие их причины (публикации Л. П. Белковец, С. П. Гусева, Л. П. Кошелева и др.). Затронуты проблемы адаптации русских немцев на исторической родине (книги А. И. Новикова и Н. С. Фрейнкман-Хрусталевой, К. Баде и И. Ольстера). Вопрос о вкладе уехавших русских немцев в культуру российского зарубежья и в мировую культуру остается открытым.

Отмечается, что в литературе об эмиграции из России этнических немцев отправной точкой исследований служит Октябрь 1917 г. Между тем отсчет эмиграции немцев нужно вести с 1884 г. — даты принятия российским правительством решения об отмене льгот при призыве в армию. К 1900 г. в США вы-

ехало около 50 тыс. русских немцев, а в первые 15 лет XX в. еще 150 тыс. Этот этап эмиграции пока выпадает из поля зрения авторов.

Четвертый раздел главы «Литература об эмиграции отдельных этнических групп» озаглавлен «Татары».

Политическая эмиграция 1918 — 1922 гг. затронула практически все сколько-нибудь сформировавшиеся в культурном отношении народы. Не стали исключением и татары. Однако вопросы истории татарской эмиграции, формирования татарской диаспоры бывшего СССР, оставшись долгое время вне поля зрения наших историков и публицистов, разрабатывались зарубежными авторами. Появившиеся в 1990-х гг. первые отечественные исследования¹ в основном вторичны и посвящены эмиграции 1920 — 1940 гг., причем преимущественно ее политическим аспектам. Необходимо определиться с датой отсчета истории татарской эмиграции, внести ясность в вопросы о хронологии и численности ее «волн», выявить географические центры рассеяния (как этноконфессиональный фактор отразился на их избрании?), рассмотреть не только политическую жизнь в них татарских общин, но и культурную: образование, издательское дело и т. п. Заслуживают проработки вопросы юридической, экономической, психологической адаптации эмигрантов. Интересно также осветить жизнь отдельных представителей татарской диаспоры.

Литературу об эмиграции российских народов без преувеличения можно назвать довольно обширной, однако в основном она посвящена народам, традиционно составлявшим костяк российской эмиграции XX столетия — евреям и немцам, между тем несомненно, что этнический состав «волн» значительно шире. Известно, что вопросами эмиграции украинцев, белорусов, поляков в настоящее время занимаются ученые соответствующих стран. Такое размежевание по национальным «квартирам» понятно и объяснимо, но крайняя скудость информации о результатах исследований и отсутствие их координации ради общего блага не могут не вызывать сожалений.

Интересно было бы проследить самосознание диаспоральных этносов в России и вне ее. Поиск критериев этнической принадлежности человека (чем определяется его национальное самосознание?) особенно актуален при изучении российской диаспоры в странах нового зарубежья. Ответ на этот вопрос помог бы избежать бытующих здесь мистификаций, продиктованных политическими мотивами.

В третьей главе диссертации — «Проблемы адаптации российских эмигрантов в научных исследованиях и публицистике» — отмечается, что внимание к проблемам адаптации российских переселенцев является сравнительно новым направлением в историографии российского зарубежья. До определенного момента эти вопросы изучались лишь зарубежными представителями социальных наук (демографами, социологами) во исполнение заказов правительств своих стран. Отправной точкой в прокладывании историками самостоятельного пути представляется появление отдельного параграфа «Денационализация, ассимиляция и борьба за русский язык»

¹ См., напр., Гилязов И. Там, в иных краях // Татарстан. 1994. № 3/4

многопланового исследования русского эмигранта П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970)» (Париж, 1971), однако освещение этих вопросов для П. Е. Ковалевского — не более чем мостик, введение в то, в чем он видел свою основную задачу — дать обзор культурно-просветительской работы зарубежной России. Такой переход оправдан, если принять во внимание, что именно русская культура и русский язык сыграли очень большую роль (Ковалевский называет ее даже решающей) в деле сохранения национального облика и качеств русского человека на чужбине.

Подход П. Е. Ковалевского был воспринят другим российским эмигрантом-исследователем зарубежной России — М. Раевым в увидевшем свет в 1990 г. в Оксфорде труде «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 — 1939». Как и для Ковалевского, для Раева также описание положения, в котором оказались русские беженцы, служащее содержанием первых двух глав, — всего лишь предисловие, необходимое для раскрытия вынесенной в подзаголовок монографии темы.

В связи с распадом Советского Союза за пределами России оказались, по различным оценкам, от 30¹ до 40 млн. российских соотечественников². Ситуация потребовала от них приспособления к новой социально-экономической, политической и этнокультурной реальности. Очевидно, что решить многие проблемы, порожденные политико-государственными метаморфозами последних лет, невозможно без обращения к историческому опыту российской диаспоры в странах старого зарубежья. Анализ этого опыта должен помочь выработке оптимальной политики России и новых независимых государств в отношении россиян вне пределов Российского государства. Для его изучения в Институте российской истории РАН создана исследовательская группа под руководством академика Ю. А. Полякова, подготовившая уже несколько ежегодных сборников научных трудов³. В целом вопрос адаптации эмигрантов в инонациональной среде в научной историографии оказался сегодня наиболее системно и полно разрабатываемым.

Немалый вклад в освещение психологической и экономической стороны пребывания россиян в эмиграции на примере современной «волны» вносит российская и эмигрантско-зарубежная публицистика, что говорит об актуальности темы для нашего общественного сознания.

Одним из важнейших направлений историографии эмиграции стало комплексное рассмотрение этой проблемы и вопросов веры, религии и церковности эмигрантской среды. В четвертой главе диссертации — «Эмиграция и православие как историографическая проблема» — автор идет от

¹ Брук С. И., Кабузан В. М. Россияне ближнего зарубежья // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 63; Тишков В. Русь зарубежная: концепция и политика // Эконом. Союз: Ведомств. прил. «Рос. газ.» 1999. 10 июня.

² Графова Л. Русские иностранцы у закрытых дверей // Рос. газ. 2001. 16 марта; Не останавливаемся ли мы на полпути? / Публ. А. Медведева // Эконом. союз: Ведомств. прил. «Рос. газ.» 1999. 15 мая.

³ История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX — XX веках. М., 1996. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX — XX вв. Сб. статей. М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX — XX в.) Сб. статей. М., 1998; и послед

нескольких трактовок термина «эмиграция» и соответственно группирует анализируемую литературу в несколько блоков.

Во-первых, под эмиграцией понимается процесс — добровольное или вынужденное переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое теми или иными причинами, в том числе религиозными. В российской истории пример чисто религиозной эмиграции — переселение в результате церковного раскола второй половины XVII в. старообрядцев на эстонские земли¹.

Другое понимание эмиграции — как совокупности эмигрантов, проживающих в той или иной стране, способствует осознанию того, что определяющим связующим звеном России и ее диаспоры была русская культура во всем ее многообразии и православие как ее духовно-бытовой компонент. В великом множестве публикаций по истории российской эмиграции мы встречаем констатацию того, что вслед за русскими по миру идет и православие. Эта истина верна для всех времен и территорий, где оказывались русские переселенцы: от территорий, в отношении которых правительство России вынашивало планы русификации, до территорий, где русское рассеяние оказалось совсем по другим причинам.

Ряд публикаций, также объединенных пониманием эмиграции как совокупности проживающих в той или иной стране эмигрантов, посвящен взаимоотношениям Русской православной церкви Московского патриархата и Русской православной церкви за границей², а также церковному расколу³, ветвям зарубежного православия⁴ и истории отдельных зарубежных епархий⁵ и приходов⁶.

Третья группа рассматриваемых в главе публикаций объединена пониманием эмиграции как состояния, присущего значительной части переселенцев, особенно тех, чье пребывание на чужбине оказалось вынужденным. Вера в Бога помогает человеку устоять в трудных условиях эмиграции, когда многое придется начинать сначала⁷. Для большинства эмигрантов вера ассоциируется с русским православием. В эту же группу включены материалы, где церковь рассматривается как институт, помогающий скорейшей социальной интеграции эмигрантов⁸. Особо отмечаются публикации, посвященные воцерковлению эмигрантской интеллигенции из числа «первой волны»⁹.

¹ Об этих процессах, о жизни русских переселенцев-старообрядцев на эстонской земле идет речь, в книге Е. Рихтера «Кто и как жил на земле Эстонии: Этнографические очерки» (Таллин, 1996).

² См., напр.: Митрофанов Г. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920 – 1927 гг. СПб., 1995.

³ См., напр.: Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

⁴ См., напр.: Американское православие // Рус. мысль № 4195. 1997. 30 окт. – 5 нояб.

⁵ Большаков Н. Беречь совесть этого мира // Рус. мысль № 4265. 1999. 15 – 21 апр.

⁶ Голомолзин Е. Русская православная церковь за границей // Иммигранты. 1997. № 21 (26); Немировский П. Я нашел здесь Россию // Там же № 4 (9).

⁷ Прежде всего следует назвать труд известного историка М. Раева «Россия за рубежом» (М., 1994). Гл. 6 – «Царство Божие внутри вас есть. Церковь и религия в диаспоре»; см. также: Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992.

⁸ См., напр.: Родионов В. Путь к храму // Иммигранты. 1997. № 6 (11).

⁹ Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. Гл. 9 – «Возвращение блудного сына».

Четвертая группа рассматриваемых работ основывается на понимании эмиграции и как совокупности иммигрантов, и как некоего состояния. Это труды, посвященные объединениям русских православных эмигрантов (Русскому студенческому христианскому движению¹, Православному делу²) и отдельным деятелям³. Обе разновидности выделены в отдельную группу в связи с тем, что по характеру затрагиваемых вопросов не могут быть отнесены ни ко второй, ни к третьей группе в чистом виде. В самом деле, рассказывая биографии деятелей православного рассеяния, авторы пишут о них не просто как о представителях российской эмиграции, а непременно показывая их духовно-нравственную эволюцию — путь к Богу. Повествуя же о деятельности религиозных объединений, функционирующих в эмигрантской среде, останавливаются на нравственных причинах их создания. В этой же группе — труды, характеризующие православие как поле цивилизационно-культурного диалога России и Запада⁴.

На основе контент-анализа рассмотренных в этой главе трех десятков публикаций ученых и публицистов автором делается вывод, что вся историография последних четырех десятилетий свидетельствует: вслед за русскими по миру идет и православие. Так было всегда, но особенно проявилось вследствие небывалого русского исхода первой послеоктябрьской «волны». Потрясения, пережитые эмигрантами, вызвали глубокий переворот в мировоззрении и отношении к жизни многих из них. Внутри эмиграции родился церковный народ. Он был совсем отличен от того церковного простонародья, которое считалось оплотом Церкви до революции. В эмиграции он тесно объединил представителей всех бывших сословий и возглавлялся людьми больших духовных дарований.

Если в начале века православие воспринималось исключительно как национальная вера греков, русских или румын, своего рода этно-религиозный реликт, то в настоящее время всем ясно, что православие — важнейшая христианская традиция, без полноправного присутствия которой в жизни планеты невозможно современное христианство. И в значительной степени это стало возможным благодаря русским эмигрантам.

В пятой главе диссертации — «Ученые и публицисты о российских некрополях за рубежом» — отмечается, что прах выходцев из России рассеян по всему миру, однако большинство вышедших в последние десять лет публикаций посвящены русскому кладбищу Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем⁵. Вероятно, это объясняется давней увлеченностью россиян Францией и в особенности ее сто-

¹ Кырлежев А. Юбилей РСХД: К 75-летию Первого Пшеровского съезда // Рус. мысль. № 4206. 1998. 22 – 28 янв.; № 4207. 1998. 29 янв. – 4 февр.; Ковалевская О. Благодать Божия в современном мире // Там же. № 4255. 1999. 28 янв. – 3 февр.; и др.

² См., напр.: Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1992.

³ Кырлежев А. Евангельский путь матери Марии // Рус. мысль. № 4209. 1998. 12 – 18 февр.; Он же. Апостол христианского братства // Там же. № 4242. 1998. 22 – 28 окт.; Спасский Н. Петр Васильевич Спасский // Там же. № 4253. 1999. 14 – 20 янв.

⁴ Наиболее полное освещение вопрос о значении православного рассеяния по всему миру для христианства на Западе получил в труде П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия» Париж, 1971. Об участии русских эмигрантов в экуменическом движении см., напр.: Зернов Н. Закатные годы // Сегодня. 1994. 22 февр.

⁵ См., напр.: Шулепова Э. А. Русский некрополь под Парижем. М., 1993; Росс Н. Как зарождалось кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа // Рус. мысль. № 4178. 1997. 12 – 18 июня.

лицей, масштабом российского исхода в эту страну и исторической значимостью похороненных здесь лиц. Ряд публикаций ценен самим фактом открытия для читателя и тем самым возможного исследователя существования в той или иной стране российских некрополей¹. Между тем кладбища соотечественников — это история российских колоний в регионах исхода, «история в лицах».

Отрадно, что в публикациях упоминаются захоронения представителей разных «волн» рассеяния, как до-, так и послеоктябрьских, а не только эмиграции 1917 — 1939 гг.

Некоторую надежду на развитие рассмотренного в данной главе направления историографии вселяет выпуск в издательстве Российской государственной библиотеки шеститомного собрания некрологов «Незабытые могилы», первые два тома которого вышли в 1999 г. Его составители отказались от традиционного «географического» принципа выбора объекта изучения и решили пойти от конкретных имен скончавшихся за пределами России соотечественников вне зависимости от того, в какой из стран зарубежья находится участок земли, где упокоен их прах. «Незабытые могилы» — это указатель имен, составленный по некрологам и траурным объявлениям, публиковавшимся в русскоязычной зарубежной печати 1917 — 1997 гг. В указателе приведены даты жизни и биографические сведения об умерших и указаны места их захоронения. Последнее может послужить отправной точкой к изучению тех российских кладбищ за рубежом, о которых мы пока еще мало что знаем.

Шестая глава диссертации озаглавлена «Историографы российского зарубежья об образовании, музейном и издательском деле российских эмигрантов».

В первой части главы, посвященной образованию в зарубежной России, отмечается, что круг разрабатываемых исследователями вопросов не широк. В этой связи называются следующие актуальные крупные направления исследований, сгруппированные в четыре блока: 1) становление и развитие российского образования разных ступеней в эмиграции, политика стран пребывания, цели и система образования, содержание и национальный (русский, украинский и т. д.) компонент образования, своеобразие методов обучения и др.; 2) общественно-педагогическое движение российской эмиграции, его роль в развитии образования и науки, социализации и социальной защите детства; 3) теоретическое наследие в области педагогики видных представителей российской эмиграции, своеобразие их научного вклада; 4) педагогическая советология российского зарубежья, анализ и альтернативы видения проблем, историко-педагогические и сравнительно-педагогические исследования мировой и русской педагогики. Пока же труды современных авторов выдержаны преимущественно в рамках первого блока исследовательских проблем². Есть исследования

¹ Большаков В. В. Русские березы под Парижем. М., 1990; Гузанов В. Г., Судзунова Т. Ц. Русские воинские кладбища в Японии. Осака, 1994; Сасакин Е. Дважды умершие // Иммигранты. 1997. № 17 (22).

² Горяинов А. Н. Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е гг.) // Педагогика. М., 1995. № 1; Корников А. А., Селезнева И. Н. Русский университет в Париже // Вестник РАН. М., 1995. Т. 65, № 4; Бегидов А. М. Военно-учебное заведение рос. эмиграции в 1920 – 30-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Кабанова Е. В. Школа и учительство русской эмигрантской диаспоры в Европе, 1919 – 1930 гг. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998.

по второму¹ и третьему направлению² и практически нет по четвертому. Одним из самых слабо изученных аспектов культурной деятельности российских эмигрантов всех «волн» является создание и сохранение музейных собраний. В отличие от эмигрантских архивов, музейные собрания до сегодняшнего дня обойдены вниманием ученых³. Между тем разработка этой проблемы очень важна для расширения тематики и источниковой базы исследований. Ведь в большинстве эмигрантских музеев наряду с прочими экспонатами хранились архивные документы и фотографии, редкие книги. В связи с этим в главе формулируются задачи будущего исследователя: точно определить состав музейных коллекций, проследить их дальнейшую судьбу, установить современное местонахождение. Представляется интересным охарактеризовать роль музеев в духовной жизни эмиграции. Помимо вовлечения в научный оборот новых интересных материалов эти исследования позволят полнее охарактеризовать подвижническую, бескорыстную деятельность интеллигенции российского зарубежья.

В заключительной части главы, посвященной издательскому делу эмигрантов, отмечается, что данное направление историографии российского зарубежья также находится только в стадии становления. Положено начало изучению фондов российских и зарубежных библиотек и архивов, вобравших в себя издания русской зарубежной печати, их документацию. Создаются и публикуются соответствующие каталоги, как в виде самостоятельных изданий⁴, так и в качестве сплосков-приложений к обобщающим их содержание статьям⁵. Имеются печатные материалы (переписка издателей и редакций с авторами, другие документы), призванные облегчить работу потенциальных исследователей истории ряда изданий. Функцию источников могут выполнить и юбилейные (к годовщинам печатных изданий) заметки и статьи их редакторов, авторов и читателей. Как показывает анализ, отдельным исследователям по силам оказывается освещение издательского дела лишь в отдельные города, странах рассеяния, причем, за редким исключением⁶, пока только европейских⁷. Первый и единственный обобщающий, интегративный труд, содержащий статьи о литературных центрах, издатель-

¹ Сухачева В. А. Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы (1919 — 1939 гг.). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 1995.

² Духовное наследие Ивана Александровича Ильина и современная Россия: «Круглый стол» // Российская национальная школа. Вып. 1. Воспитание духовности. Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Личность. Лидер. Дятель». Екатеринбург, 1996.

³ Музейному делу россиян в зарубежье посвящена только одна публикация: Муромцева Л. П., Перхавко В. Б. Одна из сторон духовной жизни российской эмиграции первой волны // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века Тез. докл. и сообщ. науч. конф. СПб., 1996.

⁴ См., напр.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917 — 1955). Рос. нац. б-ка РАН; Сост. Г. В. Михеева и др.; Науч. ред. А. А. Шилова. СПб., 1996.

⁵ См., напр.: Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. М., 1996. № 5.

⁶ См.: Кузнецова Т. В. Центры русского книжного дела в Китае в 1917 — 1949 гг. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 1999.

⁷ Абызов Ю. И. Русское печатное слово в Латвии, 1917 — 1944 гг. Stanford, 1990. Т. 1 — 2; 1991. Т. 3 — 4; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. 1 — 5. Stanford, 1997; Шомракова И. А. Книжное дело русского зарубежья (Европа 1917 — 1940 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 67. М., 1994; Яковлева Т. А. Политическая история газет П. Б. Струве, П. Н. Миллюкова и А. Ф. Керенского 20 — 30-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.

ствах, важнейших периодических изданиях всего российского зарубежья — это выпущенный в 1999 г. московским издательством «Российская политическая энциклопедия» второй том «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1916 — 1940)», хронологические рамки которого, как нетрудно понять из названия, ограничены первой послереволюционной «волной». Выход тома не снимает задачи всевременного и всеохватного исследования печатного дела российских эмигрантов. История «второй» и «третьей» «волн» эмиграции должна быть изучена и в этом аспекте.

Следует помнить, что эмиграция обеспечивает, с одной стороны, контакты между отдельными культурами в рамках одной цивилизации, а с другой — межкультурные контакты. В этой связи интересно продолжить изучение региональной специфики российского рассеяния, изучить вариантность форм развития российской культуры в различных странах. **Седьмая глава диссертации** озаглавлена «**Российская эмиграция в США и Канаде (по материалам газеты «Иммигранты»)**» и преследует цель привлечь внимание исследователей к вышеназванным вопросам.

Основные потоки российской эмиграции и реэмиграции в Канаду и США пришлось на периоды вне рамок послеоктябрьской «волны», особенно изучаемой эмигрантоведами, и этим можно объяснить то, что научных трудов и публикаций о российском рассеянии на североамериканском континенте в России мало. Между тем российская диаспора здесь огромна, и в ней немало известных лиц. Дефицит информации восполняют газетные материалы. В этой связи представляется интересным обратиться к материалам дайджеста «Иммигранты». Преимущественное внимание «Иммигранты» уделяли эмиграции 1990-х гг., однако достаточно велико и число материалов, где эмиграция рассматривается как имеющее свою историю, протяженность во времени явление.

Первая часть главы озаглавлена «США». Автором отмечается, что на страницах «Иммигрантов» представлены аналитические материалы, очерки, интервью, эссе почти по всем возможным направлениям изучения российского рассеяния в США. Среди теоретических вопросов истории российской эмиграции в США, обсуждаемых в «Иммигрантах», — вопросы о сущности эмиграционных «волн», их периодизации и хронологии, численности эмиграционных потоков. Большое внимание уделяется адаптационным процессам в иммигрантской среде применительно к представителям разных полов и возрастных групп, профессий и культурных слоев. Велик удельный вес материалов, посвященных видным представителям «русской Америки» — изобретателям, ученым, писателям, художникам, артистам, спортсменам, предпринимателям. Очевидное достоинство публикаций «Иммигрантов» — в насыщении истории российского зарубежья человеческим содержанием, иными словами, антропологизации ее. Часть этих материалов следует рассценивать как научную публицистику, другую — более весомую — следует рекомендовать профессиональным исследователям как источник.

Во второй части главы — «Канада» — констатируется, что ненаучных публикаций о российских соотечественниках в этой североамериканской стране немногим больше, чем ученых книг и статей. Канада остается одной из самых малоисследованных в этом отношении стран. И это при том, что история российской иммиграции здесь имеет давние корни и число иммигрантов неуклонно рас-

тет. Однако имеющиеся материалы позволяют составить представление о центрах российского рассеяния, их численности, уровне экономической и культурной жизни канадских россиян. И все же значительно больше еще предстоит изучить.

Рассмотренные в главе газетные статьи помогают определиться с направлениями научных исследований: причины эмиграции россиян в США и Канаду, хронология ее «волн», этнический и конфессиональный состав переселенцев, региональные центры российского рассеяния на североамериканском континенте, причины их появления, отличия в социальном составе российских общин в разных местах концентрации иммигрантов, взаимоотношения внутри российско-иммигрантской среды, культурная, политическая и экономическая жизнь российской диаспоры разных «волн», особенности ее интеграции в американское общество, жизнь и деятельность выдающихся представителей российской эмиграции в Канаде и США и т. д.

В целом в современной историографии наиболее изученным регионом исхода остается Европа, в особенности Западная (Франция) и Центральная (Германия), среди славянских государств — Чехословакия и Югославия. Созданы предпосылки к изучению российского рассеяния в Великобритании¹. Российская диаспора в Бельгии изучается пока силами эмигрантско-зарубежных ученых². Практически нет серьезных публикаций о неславянском Юге Европы, равно как и о ее Севере. Между тем российское зарубежье существует и здесь. За исключением Китая, почти не изученным остается пусть не многочисленное, но все же существовавшее и существующее российское рассеяние в Центральной, Восточной и Южной Азии. Западная Азия — Израиль, Палестина, Турция — изучена не так плохо. В сравнении с историографией иммиграции в Канаде и США более весомой выглядит историография «русской Латинской Америки»³. Положено начало исследованию жизни россиян в Африке⁴. Историография иммиграции россиян в Австралии представлена только трудами, изданными на этом континенте⁵. Совсем нет современных публикаций о выходах из России в Океании, между тем доподлинно известно, что таковые там есть⁶.

Учеными и публицистами активно разрабатывается тема о современном положении россиян в странах нового зарубежья (республиках бывшего СССР).

¹ Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М., ИНИОН РАН, 1995.

² Ронин В. К. Подданные царя в Городе Сеньоров. М., 1994.

³ Русское зарубежье в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН, 1993; ряд публикаций в сборниках научных трудов, журнале «Лат. Америка».

⁴ Крылова Н. Л. Гражданско-правовой аспект пребывания русских женщин в странах Африки. Социально-экономическая адаптация рос. эмигрантов (конец XIX — XX в.). М., 1998. С. 241—252; Летнев А. Ю. Колониальный вариант адаптации: российская диаспора в странах Африки. Попытки организации (1920—1940-е гг.). С. 115—127.

⁵ Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957; Фролова М. Русские в Австралии: история и современность. Мельбурн, 1996.

⁶ См.: Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция: Итоги за 35 лет // Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь 51. Париж, 1956. С. 137.

Однако жизнь выходцев из России в Балтийских республиках до присоединения их к СССР исследуется преимущественно зарубежными соотечественниками¹.

В «Заключении» диссертации формулируются основные выводы, итоги изучения истории российской эмиграции разных «волн», задачи и пути дальнейшей разработки темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

1. Историография российской эмиграции: Монография. Екатеринбург, 2000. (8,6 п. л.)
2. История российской эмиграции: Библиографический указатель. Екатеринбург, 1999. (2,4 п. л.)
3. Эпоха постмодерна и методология науки // Международный академический журнал. Балашов, 2001. № 1. (0,2 п. л.)
4. Историографические аспекты феномена российской эмиграции // Клио. СПб., 1997. № 1. (0,7 п. л.)
5. Российские некрополи за рубежом (историографический очерк) // Российский исторический журнал. Балашов, 1999. № 3. (0,7 п. л.)
6. Проблемы адаптации российских эмигрантов: историографический очерк // Российский исторический журнал. Балашов, 2000. № 2. (0,4 п. л.)
7. Эмиграция и православие // Российский исторический журнал. Балашов, 2000. № 3. (1 п. л.)
8. Пути и судьбы «второй» эмиграции: историографический очерк (к 55-й годовщине ялтинских соглашений) // Клио. СПб., 2000. № 3. (0,9 п. л.)
9. Тема преданности в доэмигрантском творчестве Г. Владимова и В. Войновича. Екатеринбург, 2001. Деп. в ИНИОН РАН. № 56694. (1,8 п. л.)
10. К вопросу о хронологических рамках третьей волны эмиграции // Актуальные вопросы отечественной историографии: Материалы Седьмой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1997 (0,2 п. л.)
11. Православная Церковь как фактор русского культурного единства за рубежом // 1917 год в судьбах российских граждан. Тез. докл. Республ. науч.-практич. конф. Иваново, 1997. (0,1 п. л.)
12. Николай Зернов о роли интеллигенции в истории отечества // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 1998. (0,2 п. л.)

¹ Среди публикаций о «русской Латвии»: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917 — 1944 гг.: био-библиографический справочник. Stanford, 1990 (Т. 1 — 2), 1991 (Т. 3 — 4); Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997.

О «русской Эстонии»: Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918 — 1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996; Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии: этнографические очерки. Таллинн, 1996; Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю. Словник / Сост. проф. С. Г. Исаков. Т. 1 (до 1940 г.). Таллинн, 1996.

13. Православие как поле цивилизационно-культурного диалога России и Запада // Русь, Россия и мировая цивилизация: Материалы Тринадцатой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1999. (0,2 п. л.)

14. Тема образования в российском зарубежье в отечественной историографии последних лет // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: Материалы Всерос. науч. чтений. Кемерово, 1999. (0,3 п. л.)

15. Историографы российского зарубежья о некоторых чертах ментальности соотечественников за рубежом // Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы Семнадцатой. Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000. (0,3 п. л.)

16. Российская диаспора в странах нового зарубежья (по материалам газетных публикаций) // Рубеж тысячелетий: славянский мир и судьбы России. Материалы V Междунар. науч. конф. Пермь, 2000. (0,2 п. л.)

17. Российская эмиграция в диссертационных исследованиях: статистический анализ // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: Материалы Двадцать первой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001. (1 п. л.)

18. Российская эмиграция в современной историографии: Монография // Международный исторический журнал. М., 2001. (14 п. л.) (в печати)

19. Репатриация советских граждан в 1944 - 47 гг.: к постановке проблемы // Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001. (0,2 п. л.) (в печати)

20. Российская эмиграция и права человека // Русь, Россия: политические аспекты истории: Материалы Двадцать четвертой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001. (0,1 п. л.) (в печати)

21. Литература об эмиграции отдельных этнических групп: опыты обзора // Народы России, Советского Союза: взгляд в прошлое и будущее: Материалы Двадцать пятой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2002. (0,8 п. л.) (в печати)

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26 марта 2001 г.

Подписано в печать 03.10.2001 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага Union Print. Гарнитура Times New Roman Cyr.

Печать на ризографе. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,2.

Тираж 100 экз.

Банк культурной информации.

620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.

Тел./факс: +7(3432) 22-15-46.

2-